

Харьковское кладбище.

Contemplatio mortis optima philosophia.

Въ преклонныхъ лѣтахъ истинна должна лучше занимать и питать насъ, чѣмъ блестящія мечты и остроумные вымыслы. У меня нѣтъ ни единой искры генія, водившаго перомъ пламеннаго Юнга при сочиненіи нощныхъ его размышленій: сія неподражаемая поэма есть самая трогательная

злегія о-бѣдствіяхъ рода человѣческаго, равно какъ и краснорѣчивѣйшее изложеніе спасительныхъ истинъ нравственности, здоровой философіи и утѣшительной Религіи; но я люблю подобно Юнгу, Гервею и Грею прохаживаться по кладбищамъ и заниматься поучительнымъ чтеніемъ надгробныхъ надписей. Если бы я сдѣлался сельскимъ священникомъ; то вѣрно украсилъ бы кладбище своей церкви прекрасными аллеями, благовонными кустами и лучшими цвѣтами. Мое кладбище заманивало бы охотниковъ до уединенныхъ прогулокъ. Если угрызеніе и раскаяніе влекутъ преступниковъ къ олшарямъ Религіи, которая какъ нѣжнѣйшая мать не отвергаетъ никого; то кладбище должно имѣть привлекательную силу для мудраго — склоннаго къ размышленію, особливо же при закатѣ солнца жизни. Книги могутъ быть полезными наставниками; а болѣе всего краснорѣчивыя проповѣди Бурдалу, Боссюэша, Массиллѳона, Сореня, Тиллошсона, Цолликофера и Платона. Конечно нельзя допрашивать мертвыхъ; но хладный прахъ усопшихъ ста-

новится краснорѣчивымъ гласомъ и полезнѣйшимъ урокомъ для живыхъ; ибо истинна нигдѣ ниже въ храмахъ не заранивается столько искръ, какъ на кладбищахъ. Тамъ мавзолеи, гробницы, кресты и эпитафїи говорятъ громко о томъ, что прежде было и чего уже нѣтъ! Какъ величественъ и достоинъ подражанїя и для самыхъ Христїанъ Іераспольскїй мундрецъ въ своей молитвѣ: „Всемогущїй! призови меня къ себѣ, еслии то угодно святой твоей волѣ. Я совершилъ безпорочно свое поприще. . . Косми мои да почиють въ мирѣ!“

Долго готовятъ дѣтей къ обязанностямъ будущаго ихъ назначенїя; почти возмужалымъ заранѣе не привыкать къ размышленїю о неминуемой смерти? Вѣра и надежда — какїя божественныя добродѣтели! и безъ утѣшительнаго ожиданїя безсмертїя, кто можетъ спокойно и весело прейти путь жизни преизполненной суетности, обмана, скорбей, болѣзней и страданїй? Колыбель и гробъ равно покрыты непроницаемою завѣсою неизвѣстности. . . И что есть должайшая

жизнь въ сравненіи съ вѣчностію? мгновеніе, которое, по словамъ одного писателя, лишь только успѣетъ отдѣлиться отъ будущаго какъ уже и поглощается прошедшимъ. . . Что есть самая щастливая жизнь? капля воды блестящая отъ радужныхъ лучей солнца и при слабѣющемъ дыханіи зефира съ утеса или съ древеснаго листка падающая въ море! Но Евангельская вѣра и надежда на безсмертіе души вошь незыблемыя подпоры колеблющемуся, особливо на краю гроба! тогда могила есть приятное отдохновеніе утомленному! Вошь истинныя и спасительныя потребности сей коловращной и крапкой жизни, — ими бѣдное и всегда мятущееся сердце человеческое подкрѣпляется. Справедливо говоритъ Мокшецкѣ: „я не столько низокъ какъ матеріалисты; съ удовольствіемъ помышляю о безсмертіи моей души, и вѣчное блаженство предпочитаю цѣлому столѣтію, щастливо проведенному на землѣ.„

На Харьковскомъ кладбищѣ заслуживаетъ мое особенное вниманіе памятникъ, воздвигнутый знаменишому Прошотерею

Отцу Михаилу Шванскому. Я воздамъ съ благоговѣнїемъ жертву самую простую, купно и самую искреннюю праху сего достойнѣйшаго Пастыря. Умъ, ученость, скромность и опимѣная нравственность отличали особу сего сановитого и благочестиваго мужа. Я зналъ мало покойниковъ, о коихъ вообще столько сожалѣли, какъ объ О. Шв. Если бы вѣрили призракамъ то надлежало бы искать его тѣни въ Х. Соборѣ, гдѣ часто гремѣло его краснорѣчїе, или въ Коллегіумѣ, гдѣ подь его руководствомъ образованы были многіе нынѣ дѣлающіе честь ихъ почтенному сану и коимъ принадлежитъ преимуществу достойно хвалить образовавшаго ихъ наставника. Другїй Протоіерей Опець Иванъ Гилевскій, подобно милосердому Самарянину, разпространялъ свои благодѣянїя на всѣхъ безъ различїя вѣрь.

Кто не почититъ прахъ добродѣтельнаго Густава Борисовича Фонъ Буксгевдена? Память его священна для тѣхъ, кои имѣли щастьїе пользовашься его наставленїемъ. Онъ давалъ правила и примѣры своимъ питом-

дамъ. Благонравіе и благочестіе обитали въ его домѣ; одна болѣзнь могла удерживать сего достопочтеннаго Директора отъ ежедневнаго посѣщенія ввѣреннаго ему Х. Училища. У него все бывало начинается и оканчивается призываніемъ и благодарнымъ хваленіемъ Изсточнику всѣхъ совершенствъ и Подателю всѣхъ благъ. Я имѣлъ щасліе иногда быть по воскресеньямъ при отправленіи службы въ домѣ покойника; и мое благоговѣніе всегда усугублялось, когда покойная его тѣща Анна Ивановна Гюршъ, при трогательномъ мѣстѣ изъ читанной проповѣди, съ сердечнымъ вздохомъ устремляла къ небу очи омоченные слезами умиленія: тогда незабвенная покойница казалась мнѣ въ плоти Ангеломъ — направляющимъ полетъ свой къ небеснымъ обителямъ. Герой Румянцовъ-Задунайскій самъ оказалъ вниманіе къ душевнымъ достоинствамъ Анны Ивановны, и при открытіи Х. Намѣстничества бывъ здѣсь, всегда чрезъ Адъютанта своего освѣдомлялся о здоровьѣ сей рѣдкой дамы. Ея Супругъ Ив. Никол. Гюршъ обогатилъ Х. Губернію преле-

стинными розами. Не забуду никогда и моего друга Ив. Ив. Кеппена — честнаго, искуснаго и примѣрнаго Врача! Съ сердечнымъ прискорбіемъ всегда останавливаюсь при могилахъ скрывающихъ остатки двухъ Шведовъ Барона Гастфера и Капитана Элмина, жалѣя о жестокой судьбинѣ удалившей ихъ въ старости отъ родины, отъ дѣтей и кровныхъ. Я часто былъ печальнымъ свидѣтелемъ тому, какъ они иногда посковали по сродникамъ и друзьямъ. Можно ли въ старости промѣнять отечественную сторону на чужую для исканія себѣ щастія? Едва и молодость служишь можешь извиненіемъ въ семъ отважномъ поступкѣ. Какъ дѣти, говорить достопочтенный Докторъ Гуфеландъ, начинаемъ жизнь, какъ дѣти и кончаемъ ее. Обѣ крайности жизни касаются одна другой; мы возвращаемся въ тоже слабое состояніе, какими были въ началѣ жизни; намъ потребны бывають родители; мы обрѣщаемъ ихъ въ благодарныхъ дѣтяхъ, кои платятъ намъ часть благодарній имъ оказанныхъ. Безбрачный, скипшающійся далеко отъ родины, не участвуешь

въ семь мудромъ учрежденіи природы. Особливо холостый въ старости, какъ изсохшее дерево, спойить уединень и оставлень; онъ тщетно надѣется чрезъ деньги въ наемной помощи снискать себѣ podporу, которую доставила бы связь кровнаго родства.

Я всегда погружаюсь въ глубокую печаль на Турецкомъ кладбищѣ. Не многіе посѣщаютъ мѣсто, гдѣ покоятся сіи чада Магомета. Всѣ кладбища въ моемъ умѣ нераздѣльны; я иду мимо пышныхъ громадъ камней и только нравятся мнѣ деревъ я ихъ осѣняющія. Люблю могилы заросшія густою травою цвѣтами изнещренною, могилы замѣченныя простою урною на пьедесталѣ; или крестомъ симъ Символомъ смиренія, терпѣнія, борьбы, побѣды и торжества. Нельзя смотрѣть безъ умиленія на мѣсто, гдѣ покоится К. Як. Неклюдова урожденная Захаржевская! Слишкомъ рано увяль сей прекрасный цвѣтокъ! Равно и превосходный юноша Сергѣй Из. Бахтинъ, подававшій о себѣ величайшую надежду. Я приятно мечтаю о прошедшемъ при памяш-

микѢ моего друга М. Дан. Драгомира — чувствую уваженіе къ памяти его брата Н. Д. Д., который пользовавшисъ довѣренностью четырехъ Губернаторовъ, ничего не нажилъ. Рѣдкой Феномень безкорыстія! Жаль, что мнѣ не извѣстно мѣсто, гдѣ лежитъ старуха Горемыкина, которая имѣла щастіе подчивать блиномъ Петра I-го въ Харьковѣ. Поелику все необыкновенное достойно вниманія; то я не безъ удовольствія взираю на могилу О. И. Шибеля, на которой погибла собака отъ тоски по хозяинѣ. Рѣдкіе примѣры вѣрности приятны даже въ самыхъ животиныхъ.

Какъ часто прохаживается по кладбищамъ и взираетъ на обителѣи смерти и плѣнія томъ, кто Христіанинъ не по одному имени и по обрядамъ! Смертные! вѣрьте въ безсмертіе души изъ любви къ самимъ себѣ! Какъ дерзаетъ суетный мудрователь не вѣрить тому, чему вѣрили божественные Фенелонъ и Невтонъ? Родители! сообщите заранѣе вашимъ дѣтямъ утѣшительныя истины Христіанства! Это лучшее наслѣдство, каковое

нимъ оставишь можно. . . . Для родителей что дороже образованныхъ, благонравныхъ и щастливыхъ дѣтей? Въ признательныхъ сердцахъ ихъ останется память родителей; а не въ приобрѣщенныхъ ими плѣнныхъ сокровищахъ, питающихъ лишь только суешность, тщеславіе, гордость, заблужденія и пороки. Родители! доставьте вашимъ дѣтямъ Христіанское воспитаніе правиломъ и примѣромъ. Тогда ваши имена пребудутъ на земли почтенны и священны для дѣтей! Сравниваютъ добраго Государя съ чадолюбивымъ отцемъ; но съ однимъ только Богомъ сравниться можетъ добрый отецъ: поелику онъ сообщаетъ своимъ дѣтямъ нравственную жизнь, сіе первое сокровище въ свѣтѣ и вѣрное поручительство временнаго и вѣчнаго блаженства. Все скоро проходитъ: красота тѣлесная увядаетъ, богатство рождаетъ жадность и скупость и тѣмъ безпокойствъ — терзающихъ насъ до гроба, почести томительны, очасіе коловращно, короны и все земное величіе оставляютъ пустоту въ сердцѣ, — даже умъ и геній ослабѣваютъ въ сшарости;

но добродѣтель безсмертна, и она уже и здѣсь получаетъ свою награду. Воздержаніе обезпечиваетъ здоровье, умѣренность утверждаетъ спокойствіе, а упованіе на Бога усугубляетъ терпѣніе и мужество для перенесенія всего. Какъ достойна поприщанія жадность къ богатству, когда свѣтъ насъ оставляетъ! Отъ сихъ ложныхъ благъ погибають здоровье, веселіе, счастье; умъ, сердце и совѣсть повреждаются. Не пораженіями, ни бѣдностью палъ древній Римъ; но богатствомъ и роскошью вселенныя! Какъ могущественна и плѣнительна добродѣтель! Около гроба добродѣтельнаго собираются люди всѣхъ спранъ, вѣръ и всѣхъ сословій. . . . и память его вѣчна. Достоинство цѣнится по пользѣ приносимой человечеству; но еслили стѣсненъ кругъ нашего дѣйствія и средства къ произведенію добра ограничены, за то воля наша безпредѣльна и справедливое. Небо, взирая на благія желанія, пріемлетъ волю за самое дѣйствіе.

Премудрость принадлежитъ одному Богу; слава есть удѣлъ истиной добро-

дѣтели, которая тверже мрамора и мѣди. Уже нѣтъ въ Парижѣ статуи добраго Короля Генриха IV; но имя его вѣчно пребудетъ въ сердцахъ добрыхъ Французовъ, и поселяне до позднѣйшаго вѣка будутъ повторять слова изъ являющія всю нѣжность сердца сего Отца-Монарха. Въ С. П. Б. дышетъ въ мѣди священный образъ величайшаго Россійскаго Монарха, и сей памятникъ, воздвигнутый генію геніемъ, украшаетъ еще болѣе искусную отдѣлку Фалконета... Слава добрыхъ Царей вѣчно сіять будетъ въ Лѣтописяхъ человечества! Нельзя безъ умиленія читать эту страницу, гдѣ Плиній упоминаетъ о ешауѣ одного Римлянина, коея бронзовыя руки изтерлись отъ лобызаній народа. Какъ не благоговѣть къ памяти того благодѣтельнаго Лорда, коего провожали до гроба яри тысячи нищихъ съ рыданіемъ и слезами?!

Съ края Х. кладбища представляется взорамъ обширный горизонтъ. Я обыкновенно отдыхаю на мягкой муравѣ, любясь цвѣтами; но на кладбищѣ, поблекшіе цвѣты трогаютъ меня болѣе, чѣмъ раз-

вертывающіеся. Я смотрю внимательно на излучины рѣки Харькова, какъ на изображеніе переменныхъ явленій жизни. Съ города обращаю взоръ на разбросанныя хижины мирныхъ и трудолюбивыхъ поселянъ, не беспокоящихся о тонкостяхъ большого свѣта, не вѣдающихъ мучительныхъ заботъ горожанъ, не хопящихъ промѣнять милую простоту природы на искусственность часто пустыхъ обрядовъ, истинныя добродѣтели на шарлатанство и паншомимъ ложныхъ добродѣтелей. Исчезающій изъ трубъ дымъ есть радостный вѣстникъ скорого окончанія дневныхъ трудовъ. Послѣ умѣренной трапезы и усерднаго возблагодаренія небесному Промыслителю, грядетъ благодѣтельный сонъ, возобновляющій силы для началія новыхъ трудовъ. Какъ дымъ, какъ легкій паръ, исчезли мои зашѣи и желанія; осталось токмо горькое сожалѣніе объ упрямѣ безцѣннаго времени, когда я гнался за многоразличными химерами. Но пламенющій западъ прерываетъ мои мысли и сѣшваніе. . . . Я обращаю глаза на солнце, гонимое, оставивъ

наше полушаріе, озарить другое животворнымъ своимъ свѣтомъ; и думаю о запасѣ нужномъ на пути къ вѣчному жилищу,— гдѣ честолюбецъ уже не домогается новыхъ почестей, сребролюбецъ не алчетъ новыхъ сокровищъ, развращенный не разставляетъ болѣе пагубныхъ своихъ сѣтей для уловленія невинности и честности. . . и гдѣ наконецъ щастливый порокъ не затмѣваетъ уже сіянія скромной и часто угнѣтаемой добродѣтели.

Взоръ мой устремляется къ небеснымъ жилищамъ, и я возклицаю: Отецъ небесный, подашь всѣхъ благъ! благословеніе Твое да покоится на мнѣ до послѣдняго издыханія.

Ив. Вернетъ.